

Мартин Зельнер

Запрет на невакцинированное тело – биоэнергетика и постав

Оригинал: Martin Sellner. Das Verbot des ungeimpften Körpers – Biomacht und Gestell

Источник: <https://sezession.de/65092/das-verbot-des-umgeimpften-koerpers-biomacht-und-gestell>

Перевод с немецкого, 2021 г. На русском языке публикуется впервые!

В этой статье я хочу разобраться в философских корнях австрийской биополитики. Для меня, как правого, верующего и хайдеггерianца, из этого следует обязанность сопротивляться, выходящая за рамки чисто практических и стратегических вопросов.

Начнем с термина «биополитика» или «биовласть», придуманного Мишелем Фуко. По его мнению, с появления определенного порога технико-политической осуществимости сама жизнь может стать объектом планирования и упорядочения. Этот «порог биологической современности» порождает «биополитику», которая выражается в первую очередь в контроле над рождаемостью и в государственной системе здравоохранения, включая каталог болезней.

Французский философ зорко разглядел, как эпидемии как катализаторы тоталитарного либерализма привели к созданию системы правления, которая сохранилась и после того, как та или иная «эпидемия» была «искоренена». Надзор и наказание наиболее грубо выражены в биополитике, в которой государство стандартизирует и законодательно предписывает определенные формы тела и здоровья.

Поскольку в Австрии с 1 февраля 2022 года невакцинированные тела официально станут противозаконны, мы реализовали одно из самых открытых и жестоких проявлений современной биополитики. Фуко описывает реакцию Нового времени на эпидемии как «строгое пространственное распределение: закрытие города и ближайших окрестностей, запрещение покидать город под страхом смерти, уничтожение всех бродячих животных; разделение города на отдельные четко очерченные кварталы». (Мишель Фуко (1975): «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Немецкое издание – Michel Foucault, *Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses*. Frankfurt/M, Suhrkamp Verlag, 1994, стр. 251)

Эффект этот справедливо напоминает нам о «локдауне»: «Разбитое на квадраты, неподвижное, застывшее пространство. Каждый индивид закреплен на своем месте. А если он уходит, то рискует лишиться жизни, заразиться или быть наказанным».

Фуко интерпретирует эпидемии как хаос, смешение и разжижение, против которых государство и современная рациональность максимизируют порядок и дисциплину: «Порядок предписывает каждому свое место, каждому – свое тело, каждому – свою болезнь и смерть (...). Замкнутое, сегментированное пространство, где просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, где непрерывно ведущаяся запись связывает центр с периферией, где власть действует безраздельно по неизменной иерархической модели, где каждый индивид постоянно локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим, – все это образует компактную модель дисциплинарного механизма. Чуму встречают порядком. Порядок должен препятствовать возможному смешению, вызываемому болезнью, которая передается при смешении тел, или злом, возрастающим, когда страх и смерть сметают запреты. Порядок отводит каждому индивиду его место, его тело, болезнь и смерть, его благосостояние посредством вездесущей и всеведущей власти, которая равномерно и непрерывно подразделяется вплоть до конечного определения индивида: того, что характеризует его, принадлежит ему, происходит с ним. Против чумы, которая есть смешение, дисциплина вводит в действие свою власть, власть анализа». (стр. 253 и далее)

Фуко различает три разные эпидемии, которые привели к появлению разных систем политической реакции: проказа требует, чтобы общество «содержалось в чистоте», а больных нужно полностью исключать и изгонять. Против чумы возникает «глубокая организация надзора и контроля», в которой больные «тщательно регистрируются». С чумой как «испытанием» возникает утопия совершенно управляемого города / общества. «Пораженный чумой город, насквозь пронизанный иерархией, надзором, наблюдением, записью; город, обездвиженный расширившейся властью, которая в той или иной форме воздействует на все индивидуальные тела, – вот утопия совершенно управляемого города. Чума (по крайней мере ее возможное распространение) – испытание, позволяющее умозрительно определить отправление дисциплинарной власти». (стр. 254 и далее)

В борьбе с оспой государство дифференцирует свою реакцию и отказывается от тотальной дисциплины в пользу «медицинских кампаний» против эпидемий. Здесь мы видим рождение статистики и квот в вирусной биополитике.

Как это обычно для левых теоретиков, Фуко видел их полное совершенство в «расизме» и в национал-социализме. Этот фокус не позволяет увидеть лево-

либеральный тоталитаризм глобальной биовласти. Вакцинированный организм становится предписанной законом нормой, тогда как организм, не подвергнувшийся вакцинации, каждую секунду своего существования совершает административное правонарушение.

Сообщество тех, кто не вакцинирован, представляет собой, правда, не этническую группу, зато некий биологический коллектив. И этот коллектив должен быть искоренен с помощью «охвата вакцинацией». В то время как националистическая биополитика может в крайних случаях привести к геноциду этнически маргинализированных, отверженных, здесь и сейчас, как возражают сторонники вакцинации, разницу означает только «небольшой укольчик».

Однако это ничего не меняет в определении уничтожения: биологическая группа невакцинированных людей должна быть исключена, отвергнута, зарегистрирована, изолирована и искоренена. Невакцинированные тела должны в соответствии с установленной государством динамической квотой быть уничтожены путем превращения их в вакцинированные. Что это значит для тех, кто отказывается от вакцинации?

Чумной кризис принес скрытый потенциал для рывка в развитии в раннем Новом времени. «Пандемия коронавируса» теперь ведет (независимо от того, насколько она реальна или инсценирована) к процессуальному квантовому скачку. В нем я определяю развитие того, что Хайдеггер называет поставом (Gestell).

Основной процесс современной эпохи – это полная систематизация, учет и закрепление всех существ в основном настроении сомнения и неуверенности. Обнаженный субъект, который вместе с Декартом делает себя судьей над характером бытия всех других существ, разрушает мир и создает искусственную оболочку реальности и планируемости. Эта технология – это тотальный рост власти, который делает все явления вокруг нас полностью предсказуемыми. Это применимо ко всем поддающимся количественной оценке аспектам собственного тела и существования, которые также подпадают под власть «механики».

Пластическим примером этого является измерение вирусных фрагментов с помощью миллионов ежедневных ПЦР-тестов. В конце концов, происходит трансгуманистическое уничтожение внешнего мира и перемещение жизни в искусственную «метавселенную», которая, *nomen est omen* (т. е. имя – это знак, имя говорит само за себя), также представляет собой историческую материализацию западной метафизики.

Последний акт глобальной «вирусной политики» разоблачает весь этот проект как чистую биовласть. Речь идет уже не о заражении, а о «заполненности больничных коек». Невакцинированные люди становятся не вредителями для

здоровья, а экономическими вредителями, которые через «нагрузку» на систему здравоохранения косвенно наносят вред другим пациентам. Невакцинированный организм в таком случае – не что иное, как помеха полностью рационализированному обществу развлечений и труда, так что его также по причинам «патриотизма местонахождения» (т. е. места расположения экономических и коммерческих мощностей государства – прим. перев.) необходимо искоренить как неблагоприятный фактор в конкуренции.

Это открывает дверь к полному биологическому контролю над человеческой жизнью. Подобно тому, как природа издавна представляла собой единую большую «заправочную станцию» (Хайдеггер) накопленной химической энергии, так и человеческие тела разжижают до биологического и экономического измеряемого показателя. Ссылки на обязательства по вакцинации в прежние времена не применимы, поскольку технико-политический надзор и варианты наказания в то время были недостаточны для их радикального исполнения.

За этим толчком к развитию поставка стоит «власть разума», которую Зиферле описывает следующим образом:

*Разницу между нормой и реальностью, согласно программе нормативистского рационализма, следует преодолеть таким образом, чтобы реальность приблизилась к этической норме. Из этого требования следует программа реальной рационализации нерационального мира: воспитание человечества, искоренение неразумия, утверждение высшей нормы над нормативно неудовлетворительной реальностью. (Рольф Петер Зиферле, «Смена эпох», оригинал: Rolf Peter Sieferle, *Epochenwechsel*, Landtverlag, Berlin, 2017, стр. 19 1)*

Постав, слово, которое часто переводится на английский язык как *positionality* («позиционность», «позиционирование»), представляет собой абсолютную «регулируемость» всего, что существует, посредством максимального микроскопического мониторинга, контроля и манипуляций. Мир становится полностью конкретным, объективированным, и как пластичный объект подчиняется воле субъекта. Популярный термин для этого процесса – «глобализм». Планетарная политика в области климата, народонаселения и вирусов служит общей цели: махинациям и поставку.

С другой стороны, согласно Зиферле, в современную эпоху активно разрастается «восстание жизни». Чистая жизненная сила возникает из анархического инстинкта против «систематической природы современного общества» и порядка. (стр.207)

Здесь существуют как левые, так и правые формы выражения. Зиферле видит восстание жизни «в футуризме и прославлении насилия, в опыте войны и фашизма, в элементах большевизма, космизма, сюрреализма и всевозможных радикализмов».

Это бунт романтизма, молодости и естественности против абстрактного, холодного, общего и мертвого. «Жизненная стихия обнаруживается Эрнстом Юнгером в опыте войны, Дэвидом Гербертом Лоуренсом в сексуальности, Жоржем Батайем в насилии, Тимоти Лири в потреблении наркотиков, Германом Гессе в простой жизни или Францем Фаноном в борьбе городского партизана». (стр.208)

Именно этот дух можно найти на демонстрациях против коронавирусных ограничений, на которых, к обоюдному удивлению, левые хиппи и правые активисты видят друг друга единым целым. Неслучайно в немецкоязычных странах сопротивление глобальной биополитике и поставу особенно велико, а уровень вакцинации особенно низок.

Немецкий дух, который является выражением немецкого языка, демонстрирует глубокое неприятие логики западной метафизики и современного субъективизма. Совершенно бессознательно, исключительно благодаря использованию немецкого языка, в немецкоязычных странах воспроизводится потенциальное интеллектуальное сопротивление редукционистскому и гедонистическому опыту мира.

Самое позднее с окончательным разоблачением «коронавирусного кризиса» как прорыва к тоталитарной биополитике, которая нормирует состояния организма и объявляет некоторые из них незаконными, любой, кто в какой-либо форме критикует универсализм, идеологию прогресса, эгалитаризм, материализм и «гуманизм», оказывается перед выбором:

Покорится ли он и подчинит ли он свое тело биополитике, станет ли он мостом к новому обществу, станет ли он «биотопливом» для полета ракеты к новому измерению поставы?

Если же он сопротивляется, то он сталкивается с истребительной ненавистью, которая в Новое время в различных предварительных формах дозрела до ее нынешней леволиберально-гуманистической окончательной формы.

Сопротивление разнообразно. От партии и движения до контробщественности и контркультуры, оно доходит и до формирования теории. Преодоление современного субъективизма становится все более актуальным по мере того, как он все больше отражается в поставе и жестокой биовласти.

Замена населения (Великое замещение), рассматриваемая на философском уровне, является выражением того же расчетливого, технократического, враждебного жизни и антинародного духа, что и обязательная вакцинация. Этномазохизм и анти-белая программа действий, а также фанатичное продвижение трансгендерной повестки дня, в конечном счете, являются формами той самой глобалистской биополитики, которая атакует гетеросексуальные белые тела и хочет установить новые нормы.

Сопrotивление всему этому, если кто-то еще хочет назвать его «правым», при всех субкультурных и идеологических поверхностных различиях является общим, очень немецким, страстным стремлением, которое объединяло как Гёльдерлина и Хайдеггера, так и Клагеса и Ницше.

Я называю это стремление «идентитарным», потому что сегодня борьба за существование после вмешательства в его этнокультурную и гендерную идентичность должна защищаться от трансгуманистического вторжения в свое физическое существование.

Живое сопротивление или подчинение биовласти? Мой выбор сделан, и одна из причин – «биологическая». Пока я пишу это, у меня скоро появится первый ребенок. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы мой сын не рос в системе, в которой его невакцинированное тело преследуется как ненормальное и незаконное.

Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.